

НАША СТРАНА

Год издания—51-й. Буэнос Айрес, суббота 11 сентября 1999

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 11 de septiembre de 1999 N° 2559-2560

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

Несмотря на приход к власти большевиков, 20-е годы в России характеризуются, в сфере печати и литературы, большим разнообразием. Выходило множество журналов, еженедельных и ежемесячных, различного типа. Трудно было бы их и перечислить...

В числе приключенческих были 2 "Вокруг Света", московское и ленинградское, "Всемирный Следопыт", более серьезный "Мир Приключений" и целый ряд других с литературным, политическим, иногда более или менее бульварным уклоном: "30 Дней", "Экран", "Прожектор"; имелись и юмористические, помимо наиболее прочного и пережившего прочих "Крокодила".

Переводились, переиздавались и издавались иностранные авторы — Вальтер Скотт, Жюль Верн, Герберт Уэлс, Джозеф Конрад Фенимор Купер, Роберт Льюис Стивенсон, Джэк Лондон, Артур Конан Дойль, Райдер Хаггард; притом в хороших переводах, — над которыми работала старая интеллигенция, "бывшие люди", не находившие себе часто иного применения.

Не будем тут заниматься высокой литературой; в ней, в частности в сфере поэзии шла ожесточенная борьба новых, советизированных, группировок; а подлинные большие поэты истреблялись и сходили со сцены: Гумилев был расстрелян, Блок умер с голоду, Есенин покончил с собой... Впрочем, насчет кровавой ликвидации крестьянских поэтов, включая и стопроцентно красных, — отсылаем к исследованиям Куняева в "Нашем Современнике": там можно найти десятки если не сотни имен стихотворцев из народа с трагической судьбой.

Такое положение длилось до примерно 29-го года. Потом, и с наступлением злобещих 30-х все изменилось.

Журналы позакрывались, переводы больше не публиковались (кроме целиком созвучных коммунизму западных писателей, с ними, положим, нередко возникали неожиданные и неприятные неувязки; но сейчас в это вдаваться не станем).

Удобнее всего проследить перемену тона на творчестве подсоветских авторов, как В. Инбер, М. Шагинян, Л. Никулин,

людей вполне культурных, знавших жизнь за границей, — если до того они писали, возможно и не искренне, но живо и ярко, — потом начинает литься из-под их перьев серая жвачка.

Воцаряется деревянный язык, суть которого в повторении последних высказываний Сталина (или меньших вождей; но это уж было рискованно, и порою кончалось плохо). Все то, что отражало какую-то другую идеологию (не дай Бог, скажем, религиозную или патристическую!) ставилось неизменно в кавычки (этот прием, правда, был не нов, и уже в 20-е годы широко распространен).

Вот когда пал на русскую

Геннадий Криваго

ДВА ГИГАНТА

Когда смотришь на мировую историю, невольно приходит мысль, что самое драгоценное свойство правителя, это — умение подбирать себе помощников.

Мало кто может сравниться в этом деле с Наполеоном, особенно в области военного искусства, где он был несомненным мастером. Он собрал вокруг себя людей, часть которых поднял позже до самых высших постов, из коих каждый сам по себе являлся выдающимся полководцем. Примеров таких вождей на поле брани Франция не знала никогда, ни до, ни после него; да и мало какая страна может подобным похвастаться.

Левые историки любят объяснять такой успех как последствие революции. Но вряд ли они правы. Если люди как Ланн, Мюрат, Брюн, Ожеро, Жюно, Ней, Массена происходили из народа, иные даже из самых низов, рядом с ними в его окружении находились потомки дворян, из тех, что остались во Франции или вернулись из эмиграции: Даву, Дезе, Марион, Камброн, Кларк, Макдональд; а в роли администраторов и дипломатов Сегюр, Коленкур, Нарбон и удивительный Талейран.

К некоторым из них, мы знаем, применимы в дальнейшем слова Лермонтова:

Иные ему изменили...

Похоже, что родись он на троне, он прекрасно сумел бы себе подобрать кадр исполнителей своей воли из высших классов; и, конечно, возвести наверх кого нужно из низов.

Можно сказать, что и наука

литературы истинный железный занавес! Вот когда она стала, перефразируя название "Империи Зла", литературой лжи! Солженицын правильно резюмировал рождавшийся тогда соцреализм как принесение пишущими клятвы об отречении от истины.

Читать все это, эту, как выразился кто-то из диссидентов, "отъеготину" было нестерпимо... Хотелось сказать: "пропагандируйте ваши идеи, раз иначе не можете; но — сколько-то интересно, сколько-то правдоподобно или художественно". Так нет! Изображались сплошные марионетки: злодеи-вредители, насквозь преступные заграничные капиталисты, на 100%

верные режиму советские граждане. И этой вот макулатуры, включая все отрасли науки, захлапленные той же идеологией и теми же приемами, накопились несметные горы. Позже возникали просветы, "оттепели" — и снова тонуло все в прежнем болоте. Десятилетия и десятилетия, равно и честные и бессовестные литераторы занимались, — иногда с немалым мастерством! — делом обмана и подлога.

Что делать с их произведениями? Как исправлять содеянное ими зло? Пусть читатели ответят: я не умею!

Елизавета Веденева

при нем процветала, сославшись на имена Шанталея, Карно, Монжа, Лапласа, Бертолля и других.

Вот, положим, с литературой обстояло не блестяще. Она сосредоточилась в эмиграции: Шатобриан, мадам де Сталь. Внутри можно назвать разве что имя Бернарденна де Сен-Пьера.

В этом смысле, короли далеко его превосходили: Людовик XIV, например, видел вокруг себя расцвет французского классицизма во всех жанрах, от Корнеля и Расина до Мольера и Лафонтена, и, бесспорно, немало этому расцвету содействовал.

Если мы сопоставим с французской нашу отечественную историю, то с Бонапартом может поспорить только, — почти его современница, — Екатерина Вторая.

Имена Суворова и Ушакова одни, сами по себе, могут чуть не перевесить все достижения великого корсиканца. А в роли администратора мы видим грандиозную фигуру Потемкина (несправедливо оклеветанного вздорной легендой о потемкинских деревнях).

В области же литературы, тут решительно превосходство на нашей стороне: она тогда у нас зарождалась с блестящей деятельностью Державина и Фонвизина; они положили начало грядущему чуду российского золотого века. Другой подобной эпохи в нашей истории не назовешь. Если Петра I можно считать предшественником великой монархии, то в его окружении на найдешь столь

громких имен, — и в таком количестве!

Меньшиков личность, безусловно, блестящая; но и с какими бьющими в глаза дефектами! Феофан Прокопович тем более оставил о себе память человека столь же талантливого, сколь и беспринципного. А уж Толстой, губитель несчастного царевича Алексея, воспринимается нами, в первую очередь, как злодей, хотя и щедро одаренный от природы способностью и решительностью.

Конечно, и екатерининские орлы, как братья Орловы, скажем, не во всем морально были безупречны, — но их можно помянуть добром за иные серьезные заслуги.

Московская Русь, в основном, достигала своих успехов, — огромных, надо признать! — не столько действиями отдельных замечательных людей (хотя как не помянуть Ермака, оставляя уж в стороне Минина с Пожарским, Скопин-Шуйского и многих еще) как терпением и стойкостью. Более же поздние императоры наши имели своих полководцев и министров, порою выдающихся, — но когда в таком числе как Северная Семирамида?

Последний же Государь и вовсе оказался как бы в пустыне, без преданных и способных людей под рукой. Витте, Столыпин выглядели подлинно как "один в поле воин".

А за ними, — страшный крах, который мы пережили, и из которого до сих пор не в силах выбраться...

Геннадий Криваго

НАТАЛЬЯ ДЬЯЧЕНКО (СПб)

"НИЧЕЙНЫЕ" ДЕТИ?..

— Да поймите же вы, что милосердие не может быть государственной политикой! — убеждал меня чиновник, по долгу службы обязанный заботиться о несчастных людях. — Ну, какой толк обществу от детей-инвалидов? Лечи их или не лечи, все равно никогда они не станут пригодны к службе в армии, полноценной работе на производстве. Инвалиды — этим все сказано. Чего вы хотите для калек, если сейчас многие здоровые дети ходят голодными, а их безработные родители ломают голову, как содержать семью...

Говорили мы о судьбе слепых малышей. Мы, деятели христианского милосердия,*) опекаем в Санкт-Петербурге детский сад для детей инвалидов по зрению. Каждый год он пополняется десятками новых воспитанников. Зачастую это младенцы, рожденные недоношенными, получившие слепоту по недосмотру медицинского персонала или неисправности оборудования. Младенцев таких выхаживают в специальных камерах, и если там нарушается концентрация кислорода, то происходит отслоение сетчатки глаз. Проходят дни, а то и месяцы, прежде чем обнаруживается беда — слепота. Случись подобное несчастье на Западе, малышу сделают операцию и хотя бы частично вернут зрение. Так повезло одной слепой петербургской девочке, ее папа работал в богатой фирме. Фирма выложила 15 тысяч долларов, и девочка увидела свет. Из слепой она превратилась в слабовидящую. Поверьте, что это большая разница.

Чиновник прав. Эта девочка никогда не будет служить в армии или работать на заводском конвейере. Но важно другое — она больше не будет жить во тьме. Она сможет жить вполне нормальной человеческой жизнью.

В детский сад привозят своих детей-инвалидов несчастные матери, которые из-за материальной нужды должны постоянно работать. У них нет возможности содержать слепого ребенка дома, выхаживая его и воспитывая. И, слава Богу, что есть такой милосердный дом, как этот детский сад, где за обреченными на тьму детишками ухаживают, учат самообслуживанию, готовят к будущей учебе в школе-интернате для слепых.

Чиновник был прав и в том, что милосердие не стало политикой нашего государства. Да и общественное мнение довольно равнодушно к судьбам детей-инвалидов. Простая

арифметика: "мерседесов" в Петербурге гораздо больше, чем слепых детей. Еще больше богатых фирм, позволяющих себе роскошные презентации и банкеты. Если бы общество было милосердным, то "фирмачи" могли бы взять под опеку несчастных детей, обеспечив им тем самым достойную жизнь. Ведь уход, воспитание и образование таких ребятшек требует огромных усилий и немалых средств. Только одно — научить слепого ребенка самостоятельно ходить, ориентироваться в пространстве требует от персонала детского сада большой работы. А это начало всех начал.

Временами мамы незрячих детей предпринимают попытки найти состоятельных спонсоров. Состоятельных обнаружить просто. Добрых, сострадающих и милосердных очень трудно. Не раз отчаявшиеся мамы слышали упрек: "А зачем вы таких нарожали, теперь мучаетесь". Обычная форма отказа и оправдания своего равнодушия.

Вот и складывается у людей мнение, что "милосердие" — понятие зарубежное. Одни считают, что на Западе люди добрее, чем в России. Другие уверены, что западным богатым некуда девать деньги и они бросают их на благотворительность. Сколько раз верующие Русской Зарубежной Церкви привозили в детский сад для слепых гуманитарную помощь!.. Помнят в детском саду священников Русской Зарубежной Церкви, навещавших и благословлявших детей. Бережно хранятся подаренные заморские игрушки. С большой пользой служат

незрячим малышам специальные детские трости для слепых, привезенные из Нью-Йорка.

Ситуация с детьми инвалидами не исключение. Складывается впечатление, что и бездомными детьми в Санкт-Петербурге в основном интересуются западные благотворители. Когда открылся в городе приют для девочек, большой вклад в него сделали добрые люди из Финляндии и Швеции. Именно по инициативе граждан Финляндии началось ночное патрулирование по петербургским улицам, когда в автомобиле бездомных детей угощают горячим чаем и пирожками. Для многих ребят, обитающих на чердаках и в подвалах, это единственное за день питание. Все остальное они могут добыть либо выпрашивая милостыню, либо воруя. Открытый приют назвали "Маша". Почему? По предложению благодетелей — граждан Финляндии, которые так захотели увековечить память знакомой им бездомной девочки, изнасилованной и убитой преступниками.

Надо признать, что милосердие с большим трудом прививается в России. Слишком многое было сделано за десятилетия коммунистического режима, чтобы разрушить православие, искоренить в душах людей добрые чувства. Не будем забывать, как партийная пропаганда воспитывала ненависть к эмигрантам, врагам народа, всем "чужакам". Закон запрещал Церкви благотворительную деятельность — работу в больницах, детских домах и домах престарелых. В "Атеистическом словаре" По-

литиздата понятие "милосердие" трактовалось как буржуазное, вредное для народа. Калек, нищих, обездоленных коммунистический режим не жаловал. Людям прививалось мнение, что, мол, они сами виноваты во всех своих несчастьях.

Сейчас запреты на милосердие сняты. Но души большинства людей еще не освобождены от старых пут, советский менталитет оказался очень живуч. Да, восстанавливаются храмы и строятся новые, и оказываются они отнюдь не переполненными. Но церковная благотворительность, — я веду речь о Московской Патриархии, — настолько хилая, что почти не замечается народом. Прихожанам давно известно, что личные автомобили духовенства гораздо роскошнее, чем их щедрость по отношению к обездоленным. На памяти и такой случай, как из Канады через храм в Петербурге прислали посылки для слепых детей. Всего-то — горох, сахар и гречу. Но церковный староста отказался передавать этот дар малышам-инвалидам. Бог ему судья!

В 1993 году в Санкт-Петербурге побывал один из руководителей Конгресса Русских Американцев Венедикт Александрович Коссовский и его жена Светлана Николаевна. Они познакомились с деятельностью по христианскому милосердию, посетили детский сад для слепых детей. Вернувшись в США, Венедикт Александрович со свойственной ему энергией принялся за организацию помощи малышам-инвалидам. Через год он скончался, но завещал, чтобы родные и друзья не тратили денег на цветы для похорон, а потратили их на милосердие. Ни о чем подобном в России слышать не доводилось.

Наша общая беда, что нет сегодня в стране пастыря подобного святому праведному отцу Иоанну Кронштадтскому, подвижнику христианского милосердия. А без истинного пастыря и паства подобна заблудшему стаду.

Пока же в России люди все больше удаляются друг от друга, разделяемые разницей в материальном достатке. Чем богаче, тем равнодушнее к бедам несчастных соотечественников. Чем беднее, тем обозленнее на "новых" русских.

Подросток, живущий по соседству с детским садом для слепых малышей, сказал мне о его воспитанниках так:

— Здесь живут "ничейные" дети...

"Ничейные" вырвалось у него случайно. Увы, но есть в его словах и доля горькой правды.

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 231

Единственный хоть чем-то интересный рассказ, это — помещенный первым в номере, — "Горгона" А. Столярова. В основу положена мысль о волшебном напитке, могущем превратить дурную собою девушку в красавицу. К сожалению, разработана данная идея, — на фоне быта современных советских школьников, — весьма слабо; да еще и сдобрена вовсе уж ненужным (хотя теперь и модным) похабством.

Все остальные рассказы ("Потрепанный парус любви" Ю. Дружникова, "Чайка" П. Межирицкого, "На чужбине" Л. Семенюка) посвящены еврейской теме. Хочется сказать: "Я, конечно, не антисемит, но..."

В самом деле, ведь в России большинство населения все-таки русское; и русское Зарубежье тоже состоит преимущественно из русских. Зачем же их так решительно отодвигать на второй план?

Безусловно, иди речь о журнале, издающемся в Израиле,

подобное положение вещей было бы и естественным, и понятным.

Но "Новый-то Журнал" до сих пор был русским, — а вернее российским — печатным органом. Где, положим, с изначала участвовали и евреи, но также, на полных правах, и русские.

Не можем приветствовать переживаемую им теперь, — и, видимо, бесповоротно, — эволюцию.

Тот же самый процесс охватывает и другие отделы, кроме беллетристики; например, следующие: "Библиография" и "Книги, поступившие в редакцию".

А, в значительной степени, и отдел "Литература, культура, история".

Так что журнал решительно становится уже не русским, а только "русскоязычным".

Хорошо это или плохо, пусть судят другие. Но только рецензировать его дальше кажется нам ненужным и бесполезным.

Владимир Рудинский

*) Мой адрес: 195257, Санкт-Петербург, ул. Вавиловых, д. П/6, кв. 107. Наталья Петровна Дьяченко.

НАТАЛЬЯ ДЬЯЧЕНКО

А. НИКОНОВ

ГЕРМАНИЯ. КОНЕЦ XX ВЕКА

Каждый год в ФРГ переезжают десятки тысяч советских немцев. “Наша Страна” (28-03-98) уже сообщала о письме в “Русскую Мысль”, в котором все они изображались совершенными дикарями, и об отпоре этой огульной характеристики со стороны читателей. Большинство их и в самом деле трудолюбивые и скромные люди. Но и с ними не все так просто. Родившиеся и выросшие в голодном беспределе советско-казахской или приволжской провинции (у пожилых еще на памяти депортация при Сталине), они попадают в одну из самых пока что благополучных стран Запада, живущую как бы в другом измерении. Советский немец получает германский паспорт; его зовут, как любого другого стопроцентного немца Отто Мюллер или Теодор Шульц, он прибыл жить на свою историческую родину — но: он почти не говорит по-немецки, с трудом ориентируется в западной жизни, не имеет обыкновенно, никакой квалификации, применяемой в жестких условиях интенсивного индустриального общества, и обречен на то, чтобы, подобно иностранцам из мало развитых стран, выполнять грубую (по западным меркам) и малооплачиваемую работу. С немцами Запада, которые юридически ничем не отличаются от него, он чувствует себя чужим и живет в своей “общине”, пользуясь в семейном обиходе русским языком. Конечно, в Германии есть программа интеграции “соотечественников из-за рубежа”. Новоприбывшим помогают приобрести профессию и выучиться языку. Даже жизнь на пособие или зарплату уборщицы в ФРГ — парадиз по сравнению с безнадежностью казахской деревни. Но **внутри** очень многие советские немцы не могут почувствовать себя полноценными гражданами нового отечества. Их условия жизни улучшаются материально, но духовно Запад остается для них другим миром — чужим. Многие опускаются или даже едут обратно в бывший СССР. Многие молодых людей, не видевших ничего, кроме лживой советчины и циничной послесоветчины, западная “культурная” пропаганда порока и насилия психически разрывает на части. Они становятся наркоманами или втягиваются в преступные организации.

Это тоже серьезная проблема, о которой в Германии следовало бы говорить прямо и откровенно. Демократической инквизиции вроде бы не к чему придираться: речь идет не об иностранцах из Африки и Азии, а об этнических немцах, — сам ненавистный фюрер звал всех соотечественников

heim ins Reich. Поэтому, кажется, нет почвы для обвинений в расизме, фашизме и “правых” взглядах всех тех, кто видит в этом проблему. Но нет — от разговора о проблеме переселения этнических немцев недалеко и до “греха”: если их интеграция так сложна, то какое же азиатам, африканцам, “беженцам”? И возможна ли в таком случае вообще интеграция последних? Не стоит ли тратить больше средств на обустройство немецких переселенцев или на создание немецкой автономии в СНГ, а с просителями политического убежища, особенно лжепреследуемыми, обращаться по-строже? Это уже запретная область. Никакой серьезный и откровенный разговор в сегодняшней Германии об этом вести нельзя.

Главная и самая опасная из всех идеологических тем, которые вытекают из наследия Второй Мировой войны, — тема вины **всех немцев** перед евреями. При Гитлере евреев, как известно, жестоко преследовали. В послевоенной Германии эта тема усилиями честных немецких фанатиков и радикальных еврейских кругов вышла из-под разумного историко-юридического контроля и обосновала невиданную идеологическую истерию. По германскому телевидению игровые и документальные фильмы о преследовании евреев и зверствах немцев демонстрируются в среднем несколько раз в неделю. Если к этому прибавить выходящие ежегодно сотни книг и фотоальбомов на эту тему, десятки выставок, прямые и косвенные упоминания ее во всевозможных программах новостей, спектаклях, речах и т. д., то можно сказать, что средний немец слышит о вине **своего народа** перед евреями **каждый день**. Установлено официальное число евреев-жертв нацизма — шесть миллионов. Полагающим эту цифру преувеличенной угрожают по закону пять лет тюрьмы. Статус председателя Совета Немецких Евреев напоминает статус “великого имама” в каком-нибудь теократическом мусульманском государстве: он не опускается до мелочей, представляя их президенту, премьер-министру и парламенту, но как только речь заходит о существенном, о чистоте идеологии, его могучий голос перекрывает всякую демократическую суету и ставит все на “своем месте”. Его не удовлетворяет принцип “о евреях или хорошо или ничего”. Он требует, чтобы о евреях было “всегда и только хорошо”.

Сегодняшний правоверный немец не знает, что означает слово еврей: происхождение

2.

или вероисповедание. О таких вопросах он, как правило, не задумывается. Образ некоего “условного” еврея в его сознании прочно связан со страданием, несправедливостью и многосторонними талантами и как бы олицетворяет абстрактное добро. “Антисемитизмом” — величайшей ересью в глазах демократической инквизиции, — соответственно, считается все, что выходит за рамки этого образа. В этой области инакомыслие карается не только “народным гневом”, но и всей мощью уголовного кодекса.

Несколько лет назад советским евреям было предоставлено право постоянно проживать в Германии. Германское государство полностью берет на себя их содержание: оплату высококачественного жилья, медицинскую страховку, пособие и т. д. Юридически они считаются беженцами, что само по себе абсурдно, так как в СНГ их никто не преследует — более того, за последние 80 лет они разве только при Ленине пользовались такими свободами и привилегиями, как в нынешней “РФ”. То есть исключительно на волне “покаяния” и борьбы с “проклятым прошлым” в Германии появилась еще одна группа иммигрантов, на этот раз особо привилегированная и дорогостоящая и имеющая большой численный потенциал. Простой, **безыдейный** немец, дорожающий своим честно нажитым добром, за преступления Гитлера никак не ответственный, теоретически мог бы считать несправедливым, что за квартиру в центре Кельна советский еврей-иммигрант платит 5 марок, которые он тоже получает от государства; а он, немец, за такую же квартиру платит 1.200 марок в месяц, которые ему еще надо заработать. Но этот немец о статусе иммигрантов нисколько не осведомлен (в газетах об этом не пишут), а если случайно и осведомлен, то выводы делать боится.

Многим евреям неприятно болезненно-назойливое “покаяние” немцев. Точно так же и русские испытывают недоумение и неловкость, когда немецкие друзья, подкладывая им кусок торта, потупившись напоминают о блокаде Ленинграда или сожженных вермахтом деревнях. Есть израильские интеллектуалы, которые хотели бы вести с немцами равноправный духовный диалог так, чтобы в них не видели постоянно только жертвы или мстителей. Но обстановка в Германии делает это невозможным.

Впрочем, в октябре 1998 года известный писатель Мартин Вальзер официально высказался против истерии “покая-

ния”. Главная мысль его речи заключалась в том, что современная Германия не имеет ничего общего с преступлениями нацистов, а вечно навязываемое ей чувство вины может когда-нибудь вызвать обратную реакцию. Как писатель, Вальзер наверняка задумывался над тем, что молодые поколения нужно воспитывать на положительных примерах, а не вбивать им без конца, что все немцы были и будут палачами и убийцами. На Вальзера обрушилась волна демократического негодования, но — как ни странно — опросы (правда всегда анонимные) показали, что большинство немцев его поддерживает. Можно ли это считать признаком некоего поворота, усталости страны от непрерывной односторонней пропаганды? Трудно сказать.

Сегодняшняя Германия — это не здоровое общество, отвергающее нацистское прошлое, а некая другая крайность, некий анти-рейх, с поправкой на современную правовую систему. При нацистах было нормой угрожать соседям, нынче норма — терпеть угрозы и оскорбления со стороны соседей; при Гитлере достаточно было быть евреем, чтобы подвергнуться дискриминации и преследованиям, нынче достаточно быть евреем, чтобы получить привилегии; говорить, что евреи, кроме плохих имеют и хорошие качества, считалось уголовным преступлением, теперь считается преступлением говорить, что евреи, помимо хороших качеств, имеют и плохие; при нацизме великой немецкой культуре было указано служить по ведомствам Геббельса и Розенберга, подкрепляя официальную идеологию, — в наши дни она прислуживает у плавильного котла американской демократии. И с той и с другой крайностью немецкая культурная традиция имеет очень мало общего.

Отношение немцев к России и русским — особая статья. По логике вещей, раз Гитлер смертельно ненавидел все русское, современному немцу полагалось бы быть страстным русофилом. Это не так. Русские и немцы исторически связаны друг с другом. Русский подсознательно жалеет немца, который из-за своей прямолинейности не видит всего многообразия жизни, и симпатизирует ему, чувствуя, что немцу вместе с прямолинейностью свойственна и своя грубоватая порядочность: он не мелкий сноб, не эмансипированный лакей, как иные прочие цивилизаторы; он будет пробивать лбом гранит, но все-таки не нанесет удар в спину. Это чувство мы сохранили до сих пор, несмотря на подлость герман-

ского правительства в Первую и глупость во Вторую Мировые войны. Немец же, обожающий классифицировать все и вся, интересуется русским, потому что не может однозначно определить его. В конце концов, его интерес либо оканчивается злобной русофобией, либо прорывается в искреннюю любовь.

Что касается пропагандистской машины сегодняшней ФРГ, то тут все построено в лучшем западном стиле: официальная русофобия в Германии также безгранична и отвратительна, как и везде в Европе и Северной Америке. Нынче немца изо дня в день пугают “русскими” преступниками. В стране живет множество выходцев из СССР, только в Израиле и США их наверное, больше. И как при всякой массивной эмиграции из одной страны, в поток эмигрантов неминуемо попадают проходимцы, а то и явные уголовные элементы, которые, прибыв на новое постоянное жительство, быстро находят друг друга и объединяются для совместной противозаконной деятельности. Однако причем здесь русские? Русских по происхождению в Германии очень немного: это члены семей немцев и евреев, немногочисленные старые иммигранты и осколки бывшей советской армии. Если же, на западный манер, считать, что русские — это граждане “РФ”, независимо от происхождения и вероисповедания, то выяснится, что и они в Германии представлены в основном евреями, которым

дано право жить в этой стране не из-за гражданства, а как раз потому, что они относятся к определенной этнической группе, опять же нерусской. Гражданам “РФ” как таковым — если это не немцы и не евреи — постоянно жить в Германии не разрешается. Именоваться русскими всех, чей родной язык русский, — натяжка, недопустимая ни в какой правовой системе. Австрийцы и швейцарцы сочли бы себя оскорбленными, если бы их назвали немцами. Получается замкнутый круг. Как ни подходи к этому вопросу, ни о каких “русских” в ФРГ по большому счету не может быть и речи.

Следовательно, ведется чисто расистская пропаганда: все лица, иммигрировавшие из СНГ (в том числе граждане Украины, Казахстана, Грузии и т. д.), называются “русскими”, стоит им только нарушить закон. Сказать, что это немцы, странно — тогда пропадет эффект сенсации: кого в Германии удивишь немцами-преступниками? Сказать, что это евреи — такое никому и в голову не придет, к тому же никому не хочется угодить на костер инквизиции. Было найдено блестящее расистское решение. Русофобия испокон веков была частью западной картины мира, “русских” здесь ругали всегда. Естественное беспокойство честного бюргера за свой честный кусок хлеба в стране, переполненной иностранцами, было направлено в нужное русло. Главной опасно-

стью объявили неких фиктивных русских. О них безбоязненно можно сказать все что угодно. Общественность не возмутится, ничего не заметит ни ООН, ни Европейский парламент, ни бдительная немецкая прокуратура. Образ “русского” — в прямую противоположность образу еврея — постепенно делается в Германии символом всего дурного.

Фразы о том, что нам надо учиться у немцев, преследуют нас уже около трех веков. Они плавно переехали из петровских коллегий в редакции эмигрантских и горбачевских газет и изрядно набили нам оскомину. Немцы дали миру величайших музыкантов, выдающихся поэтов, художников и ученых. Но в политическом и государственно-идеологическом отношении, которое для нас сейчас важнее всего, они — нация совершенно бездарная. Они слишком убеждены в своей правоте, чтобы понимать других. У них есть один единственный способ решения сложных вопросов — насилие. В наше время это насилие правовое и пропагандное. Мы не европейцы и не американцы, чтобы поучать другие народы. Русскому свойственно не поучать, а скорее, сочувствовать. Поэтому мы можем только пожелать немцам вспомнить свою великую и аполитичную культурную традицию, не разрушать ее до конца, не убивать все идеологией и борьбой с несуществующим врагом.

Есть, однако, одна область,

в которой нам можно было бы поучиться у немцев. Гитлер и его режим ошибочно считаются правыми. Поэтому все “правое” в Германии выжигают каленым железом. К нам это не имеет никакого отношения: для нас правое — это символ национального спасения, Православная Церковь и Самодержавие. Но форму борьбы со злом мы частично (совсем как у немцев у нас все равно не получится) могли бы позаимствовать у Германии. Нужно было бы последовательно и бескомпромиссно запретить все большевицкие партии и группировки, убрать памятники “вождям”, снести мавзолей с Красной площади, переименовать улицы, отредактировать учебники, изгнать большевиков из школ и вузов, отдать под суд преступников, невзирая на их возраст, как Израиль не щадил старости Иосифа Менгеле и ему подобных. В Германии оскорбление памяти жертв нацизма карается тюремным заключением. Пока русское общество не достигло такого духовного уровня, при котором нравственное единомыслие граждан делает глумление над памятью убиенных невозможным само по себе, нужно было бы принять закон, запрещающий оскорбление памяти Царственных Мучеников. Чтобы подобно тому, как в Германии никому не дозволено сомневаться в несчастьи миллионов людей, в России никто не смел бы глумиться над нашим Горем.

А. НИКОНОВ

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

УРОДОВАНИЕ ЯЗЫКА

В. Рудинский прекрасно объяснил в № 2553-54 “Нашей Страны” почему большевики ввели — по отношению к нацизму — выражение национал-социалистский.

Однако, к сожалению, этим словом употребление этого уродливого окончания не ограничилось. Мне уже не раз приходилось встречать в сегодняшней постсоветской прессе “монархистский” вместо “монархический” и “журналистский” вместо “журналистический”.

Д. Карамышев (Германия)

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Глубоко уважаю мнения В. Рудинского, талантливейшего литературного критика, тем не менее, не могу согласиться с его высказываниями о работах А. И. Солженицына в этой области (см. “НС” № 2551-2552).

Мне кажется, что критические разборы Нобелевским лауреатом различных литературных произведений разных времен и жанров, обычно публикуемые в московском “Новом Мире”, отли-

чаются глубиной, оригинальностью, доскональностью, мастерским анализом языка, и, в частности, — вызывают восхищение огромной работоспособностью автора: когда он еще успевал и успевает проделывать такие блестящие экскурсии в литературоведение — в контексте всех его других литературных и общественных трудов?!

Особенно меня восхитил солженицынский разбор книги И. Шмелева “Солнце мертвых” — меткий и захватывающий.

Михаил Климов (Аргентина)

ИМПЕРАТОРСКИЙ ФЛОТ

Я занимаюсь библиотекой парижского “Морского Собрания”, которое продолжает существовать, но, конечно, в нем нет больше офицеров; собираются только их потомки. В этой библиотеке находятся номера пражского “Морского Журнала” за 1930, 1931, 1937 и 1939 (номера 1 по 7) и конечно было бы желательно иметь нехватящие номера. Мой адрес: Alexandre Plotto, 41 rue Jules Ferry, 94120 Fontenay sous Bois, France.

Я недавно выпустил книгу

“На службе Андреевского флага” о Российском Императорском Флоте — результат долговременной работы в разных архивах. В книге, изданной на французском и английском языках — подбор биографий русских адмиралов и капитанов 1-го ранга, сопровождаемый многочисленными фотографиями, многие из которых публикуются впервые. Книга снабжена документальными справочниками, которые помогают понимать содержание очерков.

В ней и история российских орденов и тексты о названиях кораблей, сведения об организации военного флота, о чинах, специальных терминах.

Александр Плотто (Франция)

ЛЖИВАЯ ПОБЕДА

Когда велеречиво говорится о “Победе” 1945 года, не только забывается, что она была достигнута преступно израсходованной кровью русских солдат, очень часто посылаемых без нужды на заклание жестокими и безмозглыми советскими маршалами, но и полностью замалчивается роль американской помощи Сталину.

Все послевоенные годы тщательно скрывались от населения сведения о том, как во время войны США помогали Советам, как поставка американского оружия, транспортных средств, товаров, шла в СССР бурным потоком: 17 тысяч самолетов, 51 тысяча “виллисов”, 400 тысяч грузовиков, 12 тысяч танков и бронированных автомобилей, 8 тысяч зенитных орудий, 105 подводных лодок, 107 торпедных катеров, 50 тысяч тонн кожи, 15 миллионов пар ботинок, 3.700.000 автомобильных шин, 2.800.000 тонн стали, 800 тысяч тонн химических продуктов, 340 тысяч тонн взрывчатых веществ, 2.600.000 тонн нефтепродуктов, 4.700.000 тонн продовольствия.

Эти поставки позволили советам многократно возместить потери, понесенные в первый период войны, и усилить свою военную мощь. Без американской помощи советская армия не смогла бы перейти в наступление в 1943 году. Она была, в основном, американцами обуто, одета, накормлена, вооружена, экипирована полностью и посажена на автомашины и самолеты. Это спасло советскую армию от полного разгрома, а сталинскую власть от падения.

А Босоволков (США)

Языковые уродства

ТОРГСИН

В газете "Аргументы и Факты" № 24 от с. г., Е. Осокина, в заметке под заглавием "Как СССР торговал людьми", повествует:

"И в первые годы существования советской власти, и на рубеже 20-30-х годов обыски и насильственное изъятие сбережений, подчас с арестами и расстрелами, были нормой жизни. В начале 30-х годов, осознав, очевидно, что голое насилие результатов больше не дает, власть решила населению обменивать оставшиеся на руках золото, валюту и драгоценности на продукты в магазинах Торгсина — Всесоюзного Объединения по Торговле с Иностранцами... Апофеозом погони за валютой стала инициатива Наркомфина, поддержанная Совнаркомом СССР: начиная с 1932 года совгражданам за определенную сумму в твердой валюте разрешалось беспрепятственно эмигрировать за "железный занавес"."

Поскольку сумма эта была очень велика, комментирует автор: "Ясно, что разговоры об "облегченном порядке эмиграции из СССР" были рассчитаны на иностранцев. По сути, советское руководство предлагало европейцам и американцам выкупать своих родственников, друзей и знакомых у "первой страны социализма". И это предложение, судя по всему, нашло отклик".

Все это суть вещи эмиграции очень хорошо знакомые и прекрасно понятные. В частности, можно бы, наверное, без труда найти людей, которые родных или близких действительно из большевицкого рабства выкупили. Можно скорее удивляться, если данные события, не столь уж и давние, достаточно забыты в "РФ", чтобы стоило о них, как о чем-то сенсационном рассказывать!

А вот, что, может быть, и впрямь забыто и заслуживает интереса, так это расшифровка, которую анекдот того времени давал уродливому слову Торгсин:

"Товарищи! Объединяйтесь! Россия гибнет... Сталин истребляет народ!"

Аркадий Рахманов

СОЛДАТ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

К 75-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЯ МИТРОФАНОВИЧА МОИСЕЕВА

Либо оружием, либо пером донской казак Г.М. Моисеев всю свою жизнь борется за православленную, свободную и великую Россию. Не важно в каких странах доводилось ему жить, в каких армиях служить — он всегда был верноподанным гражданином и самоотверженным солдатом именно Русской Империи, продолжающей существовать для всех нас, кто несет ее в своей душе. Юношей он пошел в 1942 году на Восток, сражаться во Второй Гражданской войне; пошел вместе со своим отцом — ветераном Первой Гражданской 1917-1920 гг. И эстафету он сумел передать дальше: все его четверо детей — православные.

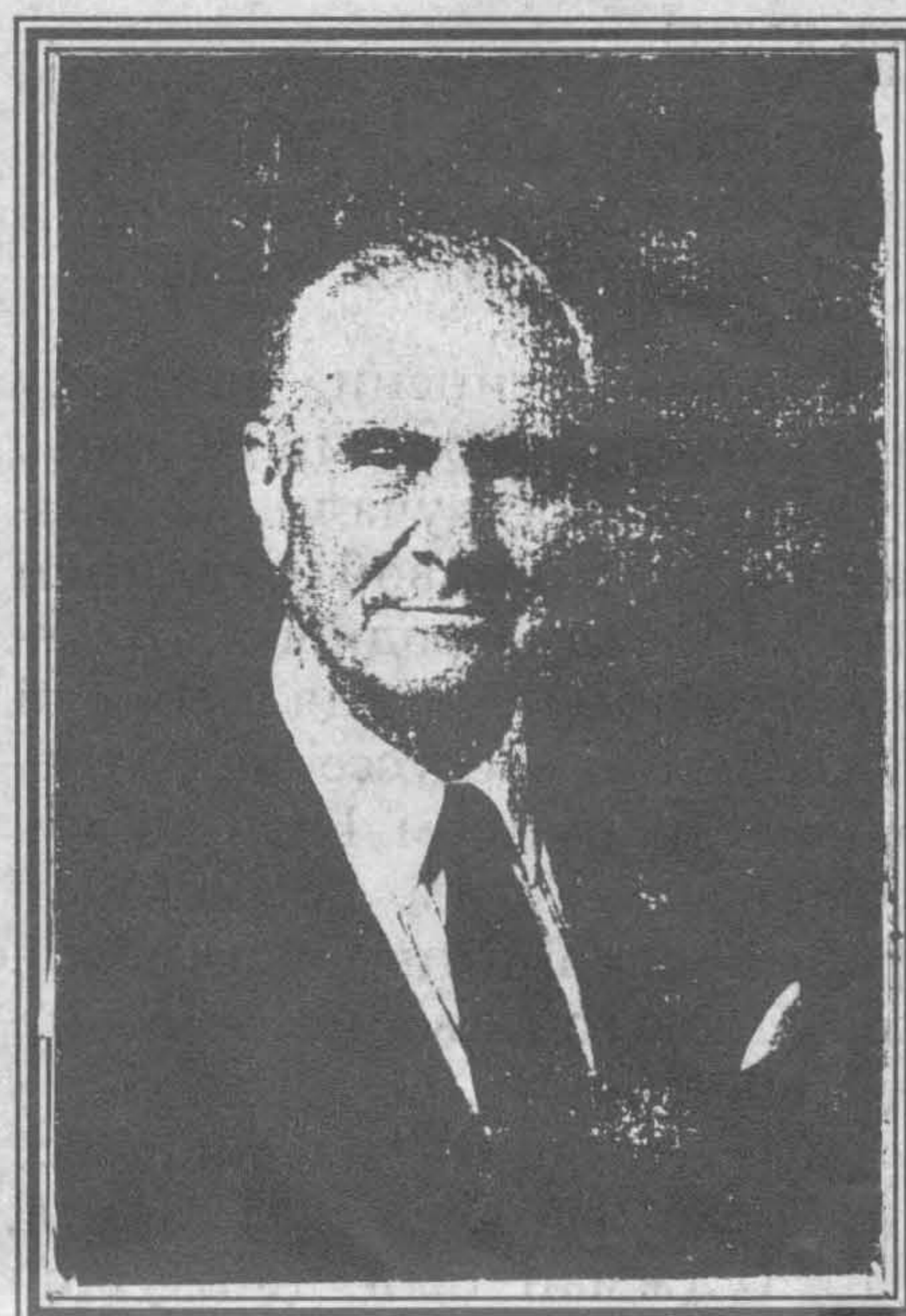
Был Георгий Митрофанович и в Зондерштабе "Р" Хольмстона-Смысловского-фон Регенау, действовал против коммунистов на Украине, были у него и другие боевые задания, такие, что из себя представили бы неплохой сюжет для приключенческого фильма. Куда его только потом судьба не забрасывала! Жил в Германии, Австралии, Саудовской Аравии, сейчас находится в Канаде, и каковым был всю жизнь — общественно-деятельным, энергичным, ведущим — таким и остался. Вот уже почти 10 лет издает, фактически сам и на свою пенсию, "Белый Листок" — пусть технически весьма скромный, но несгибаемо верный духом наследник легендарного довоенного "Часового".

Несмотря на отсутствие поддержки эмигрантской общности (на недавнее обращение о помощи в газете "Русская Жизнь" никто не откликнулся), Георгий Митрофанович не может и думать о прекращении издания "Белого Листка", своего детища. "Хоть лежа, хоть на коленях, любым образом", — говаривает он, — но я буду продолжать. Это моя патриотическая обязанность, это долг перед моими родителями и перед белыми вообще".

Настоящий офицер, он мог бы легко стать в наши дни еще одним "казачьим генералом". Однако Г. М. Моисееву чужды мишура и фальшивая рисовка. Быть, а не казаться — вот его жизненный девиз. Делать, а не делать вид. После Второй Мировой войны он создает в австралийском городе Аделаиде патриотический и антикоммунистический Клуб Русской Молодежи. Архитектор по профессии, по его проекту построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Оттаве. Кстати, знаменитый детский госпиталь в канадской столице — тоже его работа. Как специалист по плани-

ровке госпиталей и клиник, он не раз печатался в американском журнале "Модерн Хоспитал".

Но самая большая его страсть — сотрудничество в русской эмигрантской правой печати. До сих пор он в ней опубликовал более 2500 статей, очерков, рассказов, фельетонов. Г. М. Моисеев начал писать еще будучи студентом мюнхенского университета УНППА. Служа в австралийском департаменте архи-

тектурных работ он помещал статьи в буэносайресской хольмстонской газете "Суворовец". Затем много печатался в "Часовом" и в редактировавшемся Н. Н. Чухновым ньюйоркском монархическом журнале "Знамя России". В санфранцисской "Русской Жизни" сотрудничает с 60-х годов; в "Нашей Стране" — с 70-х. Можно найти его статьи, например, и в парижском "Русском Инвалиде".

И еще он является одним из руководителей Российского Имперского Союза-Ордена — поистине удивительная дееспособность. Но здесь надо отдать должное трогательной, беззаветной преданности поддерживающей Г. И. Моисеева во всех его патриотических начинаниях, его супруги Лёли. Мы позволим себе процитировать отрывок из частного письма Георгия Митрофановича: "В 2001-м будем справлять с женой 50-летие свадьбы. Золотая она у меня. Души в ней не чаю. Когда я вернулся с похорон отца в 1984 году из Австралии, она встретила меня на аэродроме и говорит: "Я тебе подарок ко дню Покрова, к казачьему войсковому празднику сделала". Оказывается она долго готовилась перейти в православие и 14-го октября крестилась в моем отсутствии... Так приятно, когда стоим в церкви перед Богом рядом, когда вместе подходим под елепомазание, говеем.

Такая тихая, неизмеримая радость. Когда дети и внуки и правнучка тут же рядом, у Престола. Словами не описать".

Г.М. Моисеев — автор романзированной автобиографии, или, как он выражается, "полу-были, полуромана" о судьбе русской белой семьи. В первой части описывается как жилось в Гродне до 1-го сентября 1939 года. Вторая рассказывает о бегстве из Гродна, а затем и из Вильны в Восточную Пруссию. В третьей части идет речь об участии членов семьи в антикоммунистической борьбе на Восточном фронте, а четвертая посвящена сражению на Курской Дуге.

Небольшие выдержки из этих воспоминаний печатаются в "Белом Листке", но, естественно, Георгий Митрофанович хотел бы видеть свою книгу опубликованной в России, чтобы к ней имели доступ наши соотечественники. Для этого нужен издатель, или "спонсор" — в России или Зарубежье.

Книга описывает быт эмигрантской офицерской семьи в довоенном Гродне. Польшу. Бегство от красных. Голодную зиму в "литовской" Вильне 39-40-х гг. Немецкое отношение к белым русским офицерам. Положение в Восточной Пруссии. Последние месяцы перед немецким нападением на Советский Союз. Участие членов семьи в русских антибольшевицких формированиях на Восточном фронте. Жизнь среди немецких офицеров. Описание Курской битвы ее участником. Рискованные похождения героя повествования на советской стороне в 1943 году.

Книга отражает глубокую преданность автора Православию и России, рассчитана на отечественных читателей коим близка и дорога судьба нашей родины — в особенности на некрасных военных, на историков, на русскую молодежь, и вообще на всех стремящихся к возрождению страны. Желающие помочь издать эту книгу могут непосредственно обратиться по следующему адресу: G. M. Moiseyev, Lanark, Ont., Canada, K0G 1K0. Телефон: 1-(613)-259-3357. Факс: 1-(613)-259-2992.

"Наша Страна" надеется, что издатель для этого ценнейшего труда найдется, и выражает глубокого уважаемому юбиляру, подлинному солдату Русской Империи, свое горячее поздравление и искренние пожелания здоровья и сил для дальнейшего служения Вере, Царю и Отечеству. Многая лета!

РЕДАКЦИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СВЯТЫНЯ БЕЛЫХ

Нам пишут из Чикаго:

Вследствие введенной Слободаном Милошевичем цензуры только сейчас стало известно, что во время одного из своих рейдов американская авиация разбомбила прилегающую к собору Святого Марка русскую церковь Святой Троицы в Белграде. Однако до сих пор не выяснено разрушена ли она полностью, или повреждена частично.

Этот храм является святыней русского белого рассеяния, в частности потому, что в нем покоится прах главнокомандующего Русской Армии генерала П. Н. Врангеля.

В кругах русской политической эмиграции в США положено начало сбору средств для воссоздания храма.

ИМПЕРСКИЙ СОЮЗ

Нам пишут из Нью Джерси:

Проживающий здесь начальник Российского Имперского Союза-Ордена Г. А. Федоров сообщил, что в силу тяжелого экономического положения в России, отменяется 2-й Имперский Съезд, который должен был состояться в Москве.

В этом году Российский Имперский Союз-Орден отмечает 70-летие со дня его основания.

БОЕВИКИ БЕРУТ ВЛАСТЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Газета "Нью Йорк Таймс" написала, что там, где значительные международные полицейские силы отсутствуют, Армия Освобождения Косова (АОК) прибирает власть к рукам, создавая сеть министерств, назначая местные органы управления, обыскивая предприятия и квартиры, собирая налоги и пошлины.

Газета констатирует, что вопреки условиям мирного соглашения, согласно которому Косово должно было перейти под контроль назначенной ООН администрации, и несмотря на то, что АОК не имеет никакого легального статуса, представители "освободительной армии" разговаривают с ооновцами как с равными, поставив их перед свершившимся фактом.

ПОХИЩЕНИЕ СВЯЩЕННИКА

Нам пишут из Москвы:

После похищения в Грозном настоятеля храма Святого Архан-

гела Михаила иеромонаха Захария Ямпольского в Чечне не осталось ни одного православного священника.

За последнее время в Чечне и прилегающих к ней территориях уже восемь православных священнослужителей пострадали в результате преступных действий чеченцев. Участь двоих из них (о. Анатолия Чистоусова и о. Петра Сухоносова) до сих пор остается невыясненной.

Вместе с иеромонахом Захарием, прибывшим для пастырского служения в Чечню около трех месяцев назад, были похищены исполняющий обязанности старосты Грозненского прихода Яков Викторович Рящин и еще один из тружеников храма.

ФРАНЬО ТУДЖМАН

Нам пишут из Белграда:

Суровые обвинения по адресу президента Хорватии Франьо Туджмана прозвучали на проходящем в первой судебной палате Международного Уголовного Трибунала для бывшей Югославии процессе над генералом Тихомиром Блашкичем, командовавшим воинскими формированиями боснийских хорватов в годы войны в Боснии и Герцеговине.

Выступивший на процессе прокурор Грегори Кехое заявил, что Туджман был движущей силой жестоких этнических чисток, в результате которых были уничтожены многие сотни боснийских мусульман.

Р. В. ПОЛЧАНИНОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Местные круги русской политической эмиграции отме-

тили 80-летие проживающего здесь общественного деятеля, коллекционера и историка Ростислава Владимировича Полчанинова. Родом из Новочеркаска, его отец служил в штабе Добровольческой Армии и затем попал с семьей в Югославию.

Р. В. Полчанинов окончил сараевскую гимназию и Юридический факультет Белградского университета. Вместе с Б. Б. Мартино он основал русское скаутское звено и во время советско-германской войны был одним из руководителей скаутской подпольной работы. Для участия в борьбе за освобождение России он поехал в Германию, после чего переехал в Польшу, где работал в Варшаве в "Доме Молодежи". Затем он прибыл в Ригу и был принят на работу во Псковскую Православную Миссию.

Будучи противником интернационализма, Р. В. Полчанинов был одним из главных руководителей национального направления в русском скаутизме.

После Второй Мировой войны, переехав в США, он продолжал свою работу по национальному воспитанию русской молодежи: преподавал в церковно-приходских школах, составил ряд учебников по родиноведению, был заместителем школьного инспектора Заграничного Синода.

Одновременно Р. В. Полчанинов работал журналистом в многочисленных русских и иностранных изданиях, а также выступал на радиостанции "Свобода".

Джорданвильский журнал "Православная Русь", где он тоже сотрудничает, писал о нем: "Р. Полчанинов убежденный антикоммунист, монархист и член НТС. Своих политических

убеждений никому не навязывал, был выше партийных делений и охотно сотрудничал со всеми кто был против коммунизма. Коллекционер монет, марок, открыток и различных эмигрантских книг, журналов, газет и т. д. Он заинтересовал этим многих юных своих питомцев для которых на страницах журналов молодежи помещал советы, как составлять и хранить коллекции. Его статьями пользуются не только "коллекционеры, но и историки русского зарубежья".

ЦАРЬ КАК ПИСАТЕЛЬ

Нам пишут из Нью Йорка:

Эдвард Радзинский, автор труда о Царе Мученике Николае II, дал интервью газете "Новое Русское Слово", в котором рассказал, что он работал над книгой 15 лет и что монарх его "сразу же пленил. Когда я прочитал его дневники, то оказалось, что он замечательный писатель, с таким хемингуэвским стилем — тогда еще не было Хэмингуэя. Это замечательный русский язык. Назывные предложения. Он так говорил. Но главное, что в нем замечательно, это его жизнь".

По мнению писателя, "биография любого правителя делится на две части: на время жизни и правления (как правило, это весьма неудачная часть) и на то, как он умирает. Смерть для государственного деятеля очень важна и порой важнее жизни, чтобы остаться в истории. А царь Николай умер достойно. С какого-то времени я понял, что книга не о том, как его убили большевики. Шла Гражданская война, когда творилось Бог знает что: жестокость, кровь; перчатки из человеческой кожи делали. (Нет ничего чудовищнее этого — посмотрите на современную Югославию). История не в чудовищности убийства — основной ее смысл в слове "простить". Последнее стихотворение, которое осталось в записной книжке, переписанное рукой Великой Княжны Ольги, — "и у преддверия могилы вдохни в уста твоих рабов нечеловеческие силы молиться кротко за врагов". И я понял, что книга должна быть об этом, о прощении в этот страшный миг. Ибо убийства, ужасы, подвалы — это все было и потом, но вот ни один правитель не смог подняться до прощения после Царя Николая II, и поэтому я уверен, что он еще вернется".

ПАРТИЯ БАНДИТОВ

"Спикер" верховного совета "автономной республики Крым", коммунист Леонид Грач заявил, что в Крыму сегодня три силы: коммунисты, бандиты и татары. Не знаю, куда причислить последних, но себя и свою большевицкую братию Грач явно противопоставил "бандитам".

Он видимо "забыл", что бандитами как раз являлись те его единомышленники кто в роковом 1917 году захватил власть в государстве, с более чем тысячелетней монархической историей.

Симферополь

Алексей Васильев

По случаю исполнившихся 25-ти лет со дня убийства

доктора
 АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА БАРТОШ

19-го сентября с. г. после Божественной литургии в Кафедральном Соборе Воскресения Христова в Буэнос Айресе на улице Нуньес 3541 будет отслужена панихида. О чем сообщает сестра покойного.